

В ГОРОДКЕ НА ВОЛГЕ

1

Непогожим, серым утром 26 октября 1941 года эшелон прибыл в небольшой приволжский город. Девушки, высыпав на перрон, с любопытством оглядывались.

— Становись!..

Когда вытянулись в одну шеренгу, командир зачитал приказ № 1: всем коротко постричься.

Это было грустно. К косам привыкли с детства. Но приказ есть приказ. К тому же за девять дней пути они причинили немало хлопот, совсем лишних и докучливых.

С походной песней будущие авиаторы направились в город. Шли окраинами, гулко стуча сапогами по булыжной мостовой и радуясь в душе тому, как это здорово получается: совсем будто на параде.

Но, увы, до парадов было еще далеко. Об этом напомнил забавный случай, произошедший по дороге с вокзала.

Саша Хорошилова, меньше всех ростом, замыкала колонну, шагая последней с гордо поднятой головой. По пути она увидела, что несколько военных, стоящих на тротуаре, с явной усмешкой наблюдали за шествием девушек. Саша еще выше вздернула голову, надув губы. И вдруг военные закричали вслед:

— Смотрите, смотрите, да это ж Хорошилова идет! — и от души рассмеялись.

Подумав, что ее узнали институтские ребята, она оглянулась, чуть не отстав от колонны. Но лица военных были незнакомы. Тем не менее, когда пришел к Дому Красной Армии, Саша торжественно объявила:

— Здесь много студентов! Меня уже узнали...

Девушки и обрадовались и удивились этому, а потом, засомневавшись, внимательно осмотрели Сашу — и все стало ясно. Дело в том, что по воин-

ским правилам положено ставить свои метки на предметах личного снаряжения. Но вместо того, чтобы написать инициалы либо фамилию изнутри, мелко и скромно, Саша, как и многие другие девушки, старательно, огромными буквами вывела свою фамилию на рюкзаке, на противогазе, на ремне, на котелке и всюду, где нужно и не нужно. Как же было не узнать ее, если со всех сторон на ней значилось, кричало чуть ли не как на вывеске: «Хорошилова»!..

Да, к армейским порядкам еще надо было долго привыкать во всем, и в малом и в большом.

И началось это с парикмахерской. Подбадривая друг друга шутками, девушки усаживались в кресла. Щелкали ножницы, падали на пол разноцветные локоны. Из зеркал смотрели незнакомые, совсем мальчишеские лица.

— Вот теперь порядочек, — веско, со вкусом сказал старик-мастер, отряхивая салфетку. — Как есть солдатики!

Вечером, устраиваясь спать в огромном спортивном зале, с рядами двухъярусных коек, они долго обсуждали впечатления дня. Все было ново, непривычно, а сколько нового еще ждало впереди!

— Ну, поздравляю, девочки! — звонко провозгласила Женья Жигуленко. — Исходные позиции заняты, переходим в наступление!..

Все улыбнулись, хотя многими владело сложное чувство, в котором смешивались воедино и радость, и огорчение, и некоторая тревога.

Только что зачитали приказ о распределении личного состава по группам для боевой учебы. Групп было четыре: летчиков, штурманов, механиков и вооруженцев.

В летную группу включили летчиков-инструкторов из аэроклубов и бывших пилотов Гражданского воздушного флота.

В штурманскую группу зачислили девушек с законченным средним и неоконченным высшим образованием. Это была особенно многочисленная группа, поскольку подготовленных штурманов-женщин вообще имелось мало в стране, считанные единицы. В нее вошли студентки МГУ Ирина Ракобольская, Аня Еленина, Катя Рябова, Женья Руднева, Дуся Пасько, Руфина Гашева, Полина Гельман, Леля Радчикова, Вера Белик; студентки Московского авиационного института Галя Докутович, Наташа Меклин, Рая Аронова; студентки медицинского института Таня Сумарокова и Катя Доспанова. В эту же группу были включены Женья Жигуленко и Катя Тимченко, а также две девушки, окончившие летную школу со штурманским уклоном, — Софья Бурзаева и Лариса Розанова.

Девушки, имевшие специальное техническое образование, зачислялись в группу авиамехаников. Все остальные составили группу вооруженцев. Технический состав, в свою очередь, делился на подгруппы с более узкой специализацией, например специалистов по приборам, по электрооборудованию и вооружению.

Не все были довольны тем, куда их определили. Саша Акимова, напри-

мер, разобравшись в обстановке, пришла к выводу, что нет ничего увлекательнее специальности штурмана. Но так как в Москве она заявила, что хочет быть стрелком-вооруженцем, ее и зачислили в группу вооруженцев.

— Не огорчайся, — утешали подруги. — Захочешь — будешь и хорошим вооруженцем, и штурманом.

Так и получилось впоследствии, а пока что живые, с огоньком глаза ее помрачнели...

Были взволнованы и другие девушки. Только сейчас, ознакомившись с планом боевой учебы, со своими новыми задачами, они до конца ощутили всю их сложность и значительность.

Расписание занятий говорило: десять учебных часов в день — для всех, для штурманской группы — еще один час на изучение телеграфной азбуки. «Много это или мало?» — размышляли девушки. И решили: скорее мало, чем много!

В нормальных условиях, до войны, такой теоретический курс, который предстояло изучить им, преподавался в военных авиационных училищах три года. А девушкам отводилось для него три месяца... Но никто не выдавал своей тревоги, которая сказывалась лишь в случайно прорывавшихся словах, жестах, а вскоре была полностью стерта самой жизнью.

Да, им предстояла нелегкая задача. Тем желаннее и почетнее она была для них. На то они были и советские воины, комсомольцы, на то и растила их Родина. Это определяло все их отношение к учебе, поведение в быту, весь уклад жизни молодого полка.

2

Пять часов тридцать минут утра... На улице темно. Спит укутанная снегом земля. Ни один дымок еще не вьется над трубами домов городка. Но в общежитии женской авиационной части уже начался день.

...Подъем! Дежурный, торжествуя,
Включает радио и свет.
И адъютант, уже ликуя,
Провозглашает громко: «Нет!
Никто уж спать теперь не должен!
Подъем, и никаких гвоздей!
А ну, вставайте и будите
Своих соседей поскорей!»...

Эти шуточные стихи, написанные Галей Докутович уже на фронте для художественной самодеятельности полка, напоминали девушкам, как трудно было поначалу привыкать к воинскому распорядку, преодолевать домашнюю привычку лонезиться, подремать в постели, пока мама с ласковой ворчливостью не сдернет одеяло.

А разве легко было в первые дни мгновенно одеваться, не теряя ни минуты! Галина недаром включила далее в эти стихи язвительную строку, касающуюся ее любимого друга:

...А ну, подтянем Гельман, эй!..

Полина никак не могла в ту пору укладываться в десять минут, отведенных для утреннего туалета, не умела сноровисто и быстро надевать и снимать снаряжение. Старшине группы Галя Докутович было предложено не спускать глаз с Гельман, контролировать ее с часами в руках. Перед сном Галя заставляла Полину по нескольку раз раздеваться и одеваться, пока, наконец, она стала это делать, как положено, не теряя ни минуты напрасно.

Уже до завтрака, после зарядки, будущие штурманы тренировались в телеграфной азбуке, упражнялись на счетной линейке. Проработав час, отправлялись в столовую. А потом вместе с летчиками расходились по классным комнатам, где ждали их лекции и семинары, тренировки, книги и тетради, географические карты.

Женя Руднева говорила в шутку, что легче девушке попасть на Марс, чем овладеть штурманской наукой. Придется водить самолеты в разных метеорологических условиях: при хорошей и плохой видимости, под облаками и над ними, а то и в облаках, при попутном, встречном или боковом ветре. Надо проникнуть во все тонкости аэронавигации, научиться распознавать местность, ориентироваться в полной темноте. Надо знать авиационную технику. Словом, чтобы стать штурманом, требуются серьезные, многогранные знания. И девушки добивались их настойчиво, целеустремленно.

Хотя официально учебный день ограничивался десятью часами, на самом деле они учились по шестнадцати—семнадцати часов в сутки. Даже в столовой, поджидая обед, читали учебники, разбирали задачи. Поздним вечером, до самого отбоя, сидели за книгами в штурманской комнате, прокладывали маршруты по карте. Понимая, что самое опасное — пробелы в знаниях, неясное и непонятное, они забрасывали преподавателей десятками «Почему?!».

*Герой Советского Союза
штурман полка Евгения Руднева.
Совершила 645 боевых вылетов*

Нелегко было с теорией, еще труднее — с практическими навыками.

Двадцать второго декабря 1941 года Женья Руднева писала родным:

«Сижу на морзянке и огорчаюсь. Ничего у меня не клеится: с цифрами еще кое-как, а вот с буквами я никак не справляюсь, мы принимаем по радио сразу на слух. Сейчас мы разучили условные знаки радиообмена, так я, наверное, всегда буду сообщать, что слышу плохо, не поняла и чтобы давали медленнее. И интересно получилось: эти звуки я сразу усвоила. Ну да ладно, справлюсь».

Женья не писала родным о другой своей беде, также стоившей ей немало горьких дум и настойчивого труда. Когда воинская жизнь вступила в свои права и началась строевая подготовка, Жене пришлось немало пострадать.

Она не умела ходить в строю, то и дело путала шаг. «Если бы она не обращала внимания на это, — вспоминают девушки, — то пошла бы правильно, а тут, когда вся в напряжении, изо всех сил старается, чтобы лучше было, — получалось хуже: правая нога, правая рука...» Но Женья ничем не выдавала своих переживаний, натянуто улыбаясь, когда смешливые подруги копировали ее манеру ходить. Урывая минуты от отдыха, она начала сама тренироваться в строевой выучке, учиться шагать по-военному. И наконец пришел день, когда все у нее стало получаться на плацу само собой.

Малые и большие трудности были у всех — у летчиков, у техников, у вооруженцев.

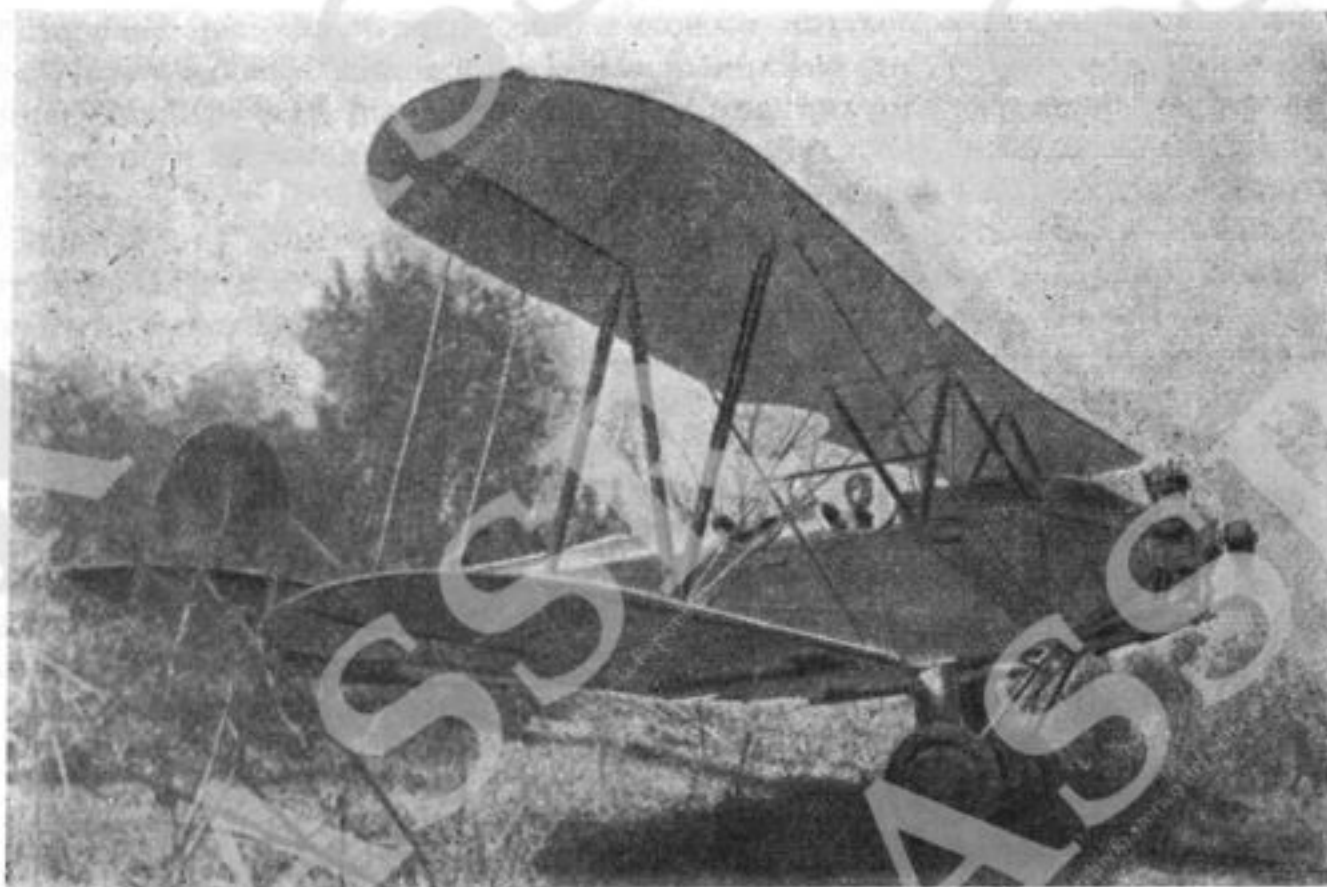
Обращаясь памятью к той поре, девушки пели на фронте:

...С какою охотой учиться мы стали,
По десять уроков и два строевой.
А в зимние ночи почти и не спали,
Их трудной учебе отдав боевой!..

3

Пока будущие штурманы овладевали теорией вождения самолета, летчики изучали теорию полета, особенности полетов ночью, конструкции самолетов, их оборудование. Теоретические занятия в классах по пяти—шести часов в день сочетались с практическими занятиями на аэродроме, на полигоне. С декабря приступили к тренировочным полетам по кругу, по маршруту, на цель.

Хотя все девушки, зачисленные в группу летчиков, имели к тому времени уже некоторый опыт пилотирования, учеба требовала от них немалого напряжения. Армейские требования высоки и строги. Преподаватели, инструкторы не допускали никаких скидок, добиваясь предельной отточенности каждого приема, умения владеть машиной, знать и чувствовать ее почти так

Самолет «По-2», на котором совершали летчицы свои боевые вылеты

же, как превосходный спортсмен знает и чувствует свое тело, владеет им.

Возвращаясь с занятий, особенно после того как учебные задачи усложнились, начались ночные полеты, тренировки в полетах вслепую, под колпаком, ориентируясь лишь по приборам, девушки шли медленно, молча, усталые. Но это не тяготило их. Они летают — вот что главное! Дружелюбно, но все же явно свысока подшучивали пилоты над штурманами, не отрывавшимися сначала от книг, от карт, приборов, называли их то алхимиками, то кабинетчиками.

— Ну как, хорошо живется в четырех стенах?

Штурманы отвечали с шутливой заносчивостью:

— Мозг на то и мозг, чтобы быть внутри. А руки — они всегда снаружи!

Летчики иронически усмехались.

— Поглядим еще, кто из нас мозг, а кто руки!..

Одно только огорчало сперва девушек — им дали маленькие, скромные самолеты «По-2», знакомые еще по аэроклубам.

«По-2», или, как он назывался прежде, «У-2», был создан выдающимся советским авиационным конструктором Николаем Николаевичем Поликарповым еще в 1927 году и вступил в эксплуатацию с 1928 года. За время, минувшее с тех пор, советская авиационная промышленность выпустила много

разнообразных типов самолетов всевозможного назначения, совершенствовавшихся год от году. А незатейливый «По-2» продолжал свою службу, завоевывая все большую популярность. Предназначенный для учебных занятий в летных школах и аэроклубах, он нашел широкое применение в народном хозяйстве, а в годы войны — и в боях.

«По-2» — самолет деревянной конструкции с перкалевой (полотняной) обшивкой, биплан с расчалками. Скорость его невысока, грузоподъемность небольшая. Но зато он обладает легкостью и простотой управления и, главное, для посадки и взлета ему достаточно совсем небольшого клочка земли.

Командование учло это и разработало такие методы боевого использования «По-2», которые превратили его в действенное грозное оружие.

Через некоторое время на фронте девушки-авиаторы убедились в этом на личном опыте. И тогда они, посмеиваясь, вспоминали свое бывшее разочарование, перестав завидовать тем, кто сражался на тяжелых бомбардировщиках, быстроходных штурмовиках и истребителях. А пока, снова и снова взлетая на «По-2» с учебного аэродрома, совершенствуясь в умении владеть этой маленькой и скромной машиной, они с завистью провожали взором быстрыхкрылые, могучие самолеты новейших типов...

4

Зину Вишневу зачислили в группу вооруженцев. Авиации она совершенно не знала, самолеты видела прежде только издали, сверкающими высоко в поднебесье, и учеба давалась ей с большим трудом.

Когда началось изучение различных видов самолетов, отечественных и иностранных, Зина даже духом пала. Сколько она ни готовилась к занятиям, ей все казалось, что машины ничем не отличаются друг от друга и никогда не удастся запомнить, какая между ними разница. Смотрит на силуэты всевозможных самолетов, и все они в ее глазах — на одно лицо.

На зачете после десяти занятий ей пришлось отвечать первой.

— Не знаю задачи, — откровенно сказала она. — Не могу отличить один самолет от другого...

Когда дошла очередь отвечать до других девушек из этой группы, выяснилось, что они тоже мало что усвоили.

Зину, а затем ее подруг вызвали к начальнику штаба. Поговорив с ними, он понял, что дело не в их нерадивости, а только в молодости да отсутствии опыта. Отчитав девушек за то, что они молчали на занятиях, не требуя повторять, разъяснять непонятное, начальник штаба сказал:

— Нужно вам напрячь все силы, а задачу решить. Помните: невозможного нет для советского человека.

И вот девушки пошли на штурм. По утрам, до завтрака, они спраши-

вали друг друга об особенностях всевозможных самолетов. После обеда, вместо того чтобы отдыхать, как положено, шли в учебный корпус, где за стеклом стояли макеты машин. Через четыре дня состоялся дополнительный урок, а потом зачет. Зина первой его сдала на «отлично». Отличную оценку получили и ее подруги.

Долгое время Зина не могла различить на летном поле, где старт, где финиш. Идет она по летному полю, и кажется ей, что всюду машут красными флагами, везде самолеты, попробуй, отыщи тот, который нужен! Случилось однажды, что весь день ходила зря по аэродрому, так и не найдя свой самолет, не выполнив задания. И опять помогла настойчивость. Когда учеба шла к концу, Зина уже могла, как говорится, с закрытыми глазами ходить по летному полю, действуя точно, безошибочно.

Инженер по вооружению Надежда Александровна Стрелкова, прибывшая в полк в первые дни боевой учебы, полюбила молодых вооруженцев. Чем дальше, тем быстрее, успешнее усваивали они свои ответственные обязанности, не щадя ни времени, ни сил.

Бывали, конечно, оплошности, неудачи. Когда вначале девушки тренировались в подвеске бомб на тренировочных цементных бомбах, они садились на них отдыхать. За это их критиковали на собрании, высмеяли в стенной газете. Девушки запомнили урок.

С боевыми бомбами они обращались уже без панибратства. Обучаясь подвешивать их в темноте, вооруженцы старались не пускать в ход карманных фонариков, проверяя руками, правильно ли подвешена бомба, крепко ли закрыт замок. Саша Хорошилова, чтобы не ошибиться, подвешивала бомбы голыми руками в самые лютые морозы, только в редких случаях надевая перчатки. Она шутила:

— Руки у меня особые — холода не боятся!

В расположенных рядом авиационных частях также шла подготовка вооруженцев. Когда дело дошло до последних зачетов, девушки показали более высокие знания, чем мужчины.

— Мы не хотели срамиться, — вспоминает Зина Вишнева. — Мы рассуждали так: раз добились того, что взяли нас в армию, стало быть, надо

Инженер полка
Надежда Стрелкова

211

Инженер полка
Софья Озеркова

быть не только наравне с мужчинами, а перегнать их, работать лучше, чем они!

Успешно овладевали новым делом Маша Логачева, Маша Марина, Лида Гогина, Лида Николаева, Таня Масленникова, Надя Студилина. Гордясь своей специальностью, они говорили:

— На земле работать хорошо сможет не каждый — тут только смотри да смотри!..

Но некоторые из них все же, вздыхая, смотрели, как самолеты взмывают в небо, мечтая о том, чтобы и самим летать. И впоследствии они добились этого.

5

Каждый день, чуть свет, техники уже были на аэродроме, у своего четвертого ангара. Быстро и аккуратно под руководством старшего инженера

по эксплуатации Софьи Ивановны Озерковой они выводили самолеты на линейку. Начинался очередной трудовой день.

В тот год стояла суровая зима с сорокаградусными морозами. С Волги дул резкий ветер, обжигая лицо, леденя руки. А сколько технических неполадок, маленьких аварий случалось на первых порах из-за того, что мало было знаний, еще меньше навыков...

Только один из авиамехаников молодого полка, Таня Алексеева, имела опыт обслуживания моторов, особенно важный в тяжелых зимних условиях. Остальные представляли себе это лишь теоретически, а многие и в теории «плавали».

Но желание быстрее попасть на фронт было так велико, что девушки настойчиво и успешно преодолевали все трудности.

Днем работалось сравнительно легко. Солнечные лучи, правда, не грели, но от них как-то теплее становилось на душе. Зато по ночам приходилось очень тяжело. Они были длинные, студёные, и когда пошли ночные полеты, авиамеханикам приходилось по четырнадцать — пятнадцать часов проводить на старте. Чтобы как-нибудь согреться, они старались все время быть в движении, бегали, прыгали на одном месте, и хотя под конец не помогало и это,

212

никто не слышал от них и слова сожаления, уныния. Таня Алексеева, Дуся Коротченко, Катя Бройко, Соня Лаврентьева, Римма Прудникова, Тоня Вахрамеева, Вера Дмитриенко, Галина Корсун, Саша Османцева, Рая Харитоновна, Алла Казанцева, Зина Петрова, Галя Беспалова и другие механики запомнились подругам всегда бодрыми, деятельными; как бы ни одеревенели их руки, ноги, застыли губы на морозном ветру, они всегда были готовы подхватить шутку, сердечным словом согреть подругу, и работали неутомимо.

На высоте оказались и молодые прибористы Вера Бондаренко, Оля Голубева, Полина Ульянова.

В эти дни на аэродром прилетел самолет, не имевший полного комплекта электрооборудования. Как они обрадовались ему!

Инженер по спецоборудованию Клавдия Алексеевна Илюшина воспользовалась этим, чтобы показать своим питомцам на практике схему электрооборудования, которую они знали до того лишь по учебникам. Натянули провода, поставили огни — сигнальный, боковой, хвостовой, пристроили фары.

Так прибористы научились самостоятельно разбираться в электрооборудовании самолета. Хорошо изучили они и приборы, от которых в полете зависит подчас все.

Многие из девушек-прибористов впоследствии переквалифицировались в механиков, штурманов. Только Вера Бондаренко осталась верна своей специальности до конца войны. Однополчане до сих пор вспоминают, как на любом аэродроме и днем и ночью звенел ее тоненький, казавшийся детским голосок:

— А у вас с приборами все в порядке?

С приборами все было в порядке, потому что за ними следила Вера Бондаренко.

Очень большую работу проводила с летчицами, штурманами, авиамеханиками и вооруженцами скромная и незаметная Тамара Гумилевская — начальник химической службы полка.

Инженер полка
Клавдия Илюшина

Заместитель командира полка
Серафима Амосова.
Совершила 550 боевых вылетов

Пока шла учеба, в город на Волге приезжали все новые патриотки, стремившиеся в ряды женского авиационного полка.

Вот появилась Надежда Попова — голубоглазая пышноволосая девушка из донецкого поселка Мушкетово. Дочь паровозного машиниста, она еще на школьной скамье, ученицей 5-го класса, писала в письменной работе на тему «Моя мечта» о том, что мечтает, окончив школу, стать летчицей. На страницах тетради в косую клетку она рассказывала, как восьмилетней девочкой впервые увидела в донецкой степи маленький легкокрылый самолет, опустившийся недалеко от ее родного дома, стоявшего на окраине поселка. Надя подошла к этой удивительной машине, погладила рукой лопасть винта, поговорила с летчиком, а потом, когда он улетел, долго стояла и, как зачарованная, следила за машиной, пока она не скрылась.

«И вот тогда-то, — писала она, — я решила: буду летать!». Учительница поставила ей «отлично» и прочла сочинение перед классом.

В 1937 году, когда она перешла в 10-й класс, на улицах поселка она увидела плакат: «Вступайте в аэроклубы!». И, конечно, Надя сочла, что этот призыв обращен лично к ней.

Тайком от родителей она явилась в аэроклуб. Врачи остались ею довольны, и, так как она, на всякий случай, прикинула себе в анкете два года, ее приняли в число курсантов. Отец и мать не верили своим глазам, когда 8 марта 1938 года прочли в газете «Сталинское племя» в заметке «Отличники летного дела», что первой среди отличников — молодых пилотов является Надя Попова из горняцкого поселка Мушкетово. Мать только всплеснула руками: «Да может ли это быть, да когда ж ты успела, егоза?!» А отец, не тая гордости, лукаво промолвил, поглаживая усы: «Стало быть, батьку обгоняешь? Мало тебе земли — в небе куралесишь?».

Все было очень хорошо, если бы не молодость Нади: возраст еще преграждал ей путь к заветной цели. «Годами не вышла», — ответили в летной

школе. Тогда она написала сразу и Марине Расковой и Полине Осипенко и при их содействии поступила в Херсонскую летную школу на штурманское отделение. Через год она вернулась в родной Донбасс с дипломом летчика-штурмана и стала обучать курсантов в том самом аэроклубе, где получила первоначальное летное образование.

За несколько месяцев до начала войны в аэроклубе города Сталино состоялся первый выпуск курсантов, обучавшихся под руководством Поповой. Из четырнадцати ее учеников девять окончили курс с оценкой «отлично», остальные — «хорошо».

В приволжский город она прилетела из Средней Азии, куда эвакуировалась со своим аэроклубом и где готовила новую группу будущих летчиков.

— Отлично, что приехала, — обрадовалась ей Раскова. — Куда хочешь?

— В тот полк, который первым пойдет на фронт.

— Хорошо. Проходи комиссию.

Комиссия, конечно, сказала «да».

В конце ноября 1941 года к Расковой приехала еще одна квалифицированная летчица — Серафима Амосова.

В ее жизни, как и в жизни всех девушек, собравшихся в этом полку, огромную роль сыграл комсомол. Активная комсомолка, она одной из первых в своем родном Красноярске овладела профессией, считавшейся не женской: стала токарем по металлу. Когда городская комсомольская организация объявила мобилизацию комсомольцев для подъема пионерской работы, Сима стала пионервожатой. Дети любили слушать ее рассказы об авиации, — к этому времени ею овладела мечта стать летчиком. Комсомол направил Амосову в планерную школу, а затем в Тамбовскую летную школу. Окончив учебу с отличием, она вернулась в Западную Сибирь и как пилот Гражданского воздушного флота водила самолеты на магистрали Москва — Иркутск.

Война застала ее в городе Янауле начальником учебной части летной школы. Получив телеграфный вызов Расковой, Амосова, спустя несколько часов, на попутном самолете уже летела к Москве, не успев как следует со-

Герой Советского Союза,
командир эскадрильи
летчица Надежда Попова.
Совершила 850 боевых вылетов

415

*Герой Советского Союза
командир эскадрильи Марина Чечнева.
Совершила 810 боевых вылетов*

Молодой летчик-инструктор быстро добралась до приволжского города и заявила Расковой, что хотела бы пойти в истребительную авиацию.

— Это мы потом посмотрим, — ответила Раскова. Уезжая на несколько дней, она наказала своим помощникам: Чечневу не отпускать!

В те же дни была зачислена в полк Мэри Авидзба.

Формирование части продолжалось. Специальная комиссия во главе с Мариной Расковой выехала в Саратов. Саратовская молодежь встретила весть о добровольном наборе комсомолок в армию с таким же энтузиазмом, как и молодежь Москвы. Девушки осаждали номер гостиницы, где разместилась комиссия.

Отсюда, из Саратова, пришли в полк Рая Аронова, студентка института сельскохозяйственного машиностроения, и Ира Дрягина, студентка сельскохозяйственного института, Лида Целовальникова и ее подруга Вера Маменко,

браться, привести в порядок домашние и служебные дела, лишь наскоро расцеловав ошеломленных родных...

В те же дни прибыла в часть Марина Чечнева, летчик-инструктор Центрального аэроклуба имени В. П. Чкалова.

Когда началась война, она отдыхала в Ялте и с трудом пробилась в местный военкомат.

— Женщин не берем, — ответили ей.

— Но я летчик!

Дежурный укоризненно поднял свои усталые глаза на нарядную девушку с нежным овалом лица.

— Не время шутить, дочка!

Она не шутила, но ничем не могла доказать, что в свои восемнадцать лет действительно является летчиком-инструктором: никаких служебных документов Марина в отпуск не взяла. Пришлось телеграфировать в Москву, в Центральный аэроклуб. Тем не менее, ее отказались мобилизовать.

Вернувшись в Москву, Марина вместе с аэроклубом переехала в район Сталинграда. Здесь она и узнала о формировании женской авиационной части.

только что окончившие десятилетку, Мэри Жуковичская, молодая работница завода, эвакуированного из Днепропетровска, и другие.

Новички тотчас включились в учебу, обретая свое место в сложной, еще далеко не устоявшейся жизни молодого коллектива.

7

«Милые мои, родненькие! Здравствуйте!

Я жива и здорова, чего и вам желаю. Сейчас Дуся (наша девушка) получила письмо от Гали, она эвакуировалась в Пугачевск, Саратовской области. Она живет у подруги. Положение ее такое же, как и у многих гражданских. Я ей не завидую. Во всех отношениях мне лучше и главное — я чувствую, что я иду единственно правильным путем, что здесь я делаю то, что должна делать как комсомолка».

Это писала родным 5 декабря 1941 года Женья Руднева.

В полку было много девушек, подобно ей, впервые оторвавшихся от родного гнезда. Чистые и смелые, нежные и мужественные, они рвались к подвигам во славу Отечества, мечтали о победе над врагом, но еще слабо представляли себе тот будничный ратный труд, на почве которого вырастают и подвиги и победы. Зрелость патриотических чувств пока что сочеталась у них с наивностью юности.

И что говорить, армейская жизнь, с ее справедливой, разумной и непреложной суровостью, поначалу давалась им совсем нелегко! Трудно было привыкнуть после дома, материнской заботы с общежитием, койками в два яруса, с необходимостью целиком подчинять свою жизнь твердому режиму, с военной формой, мужской формой, которую они надели еще в Москве, и со многим другим.

Это проявлялось чаще в малом, чем в большом, но все же проявлялось.

С лукавой и немного смущенной улыбкой вспоминают теперь девушки свое необычное увлечение пончиками в первую неделю военной жизни. Как

Штурман Мэри Авидзба.
Совершила 477 боевых вылетов

Начальник химслужбы полка
Тамара Гумилевская

только раздавался сигнал отбоя, от койки к койке, в самые дальние углы общежития, передавались пышные пончики с повидлом, закупаемые днем одной из девушек в буфете. Есть никому не хотелось — кормили здесь хорошо, все изрядно поправились за время учебной жизни, но пончики, тем не менее, ели всю, вполголоса посмеиваясь и обмениваясь впечатлениями. Дело было не в пончиках, а в том, чтобы не сразу заснуть после отбоя, показать, что сон по команде — вовсе не для них...

То вдруг им становилось нестерпимо жаль разрезать на портянки пушистую бумагу, выданную специально для этого. «Вот пеленки мировые!..» — писала Женя Руднева в одном из писем домой.

А то случалось и такое, о чем писала в дневнике Галя Докутович 8 января 1942 года: «Вчера я про себя тихонько подумала: пусть бы только на один день

перенестись отсюда, опять надеть штатское платье, туфли, побывать в театре на правах девочки. Да, да!..»

Но это были мимолетные, случайные, не оставляющие следа мысли. «Летать, только летать! Все остальное после войны приложится», — читаем мы после этих строчек в дневнике Гали Докутович.

Уже тогда девушек полка отличала строгая требовательность к себе, резкая нетерпимость ко всему, что могло им помешать достойно выполнить священный воинский долг. Стремясь во всем идти наравне с мужчинами-воинами, обижаясь на малейшее снисхождение, скидку им как девушкам на службе ли, в быту, они поначалу даже нарочито чуждались, неприязненно сторонились своих товарищей по оружию — мужчин.

Случайно две девушки из штурманской группы встретили в столовой знакомых им московских студентов, прибывших служить в соседнюю авиационную часть, и прошлись с ними после обеда по дороге в общежитие, весело вспоминая университетские времена. Ну и досталось же им за это от подруг! «Мы собрались, — рассказывает Ирина Ракобольская, — объявили, что они позорят звание университета, кладут тень на всех наших девушек, на честь всего полка. Они плакали и говорили, что этого больше не будет».

И в то же время с самым главным, самым важным для воина — служебной дисциплиной — у некоторых из них бывали осложнения, более того — неприятности.

Молодые, порой избалованные и неуравновешенные, они, всем сердцем принимая существо советской воинской дисциплины, не сразу поняли, что оно неотделимо от ее формы, от определившихся за десятилетия порядков нашей воинской жизни. Командир в их глазах мало чем отличался тогда от педагога, а правила воинского распорядка — от школьных, институтских правил. Для них еще не была очевидной непосредственная, прямая связь между законами победы в бою и будничными требованиями уставов, являющихся краеугольным камнем воинской дисциплины — фундамента всей силы и мастерства войск.

«Обидно было, что нам приказывают, когда мы — вольные люди, привыкшие к просьбам, к советам, но не приказам, — вспоминает Дуся Пасько. — Иной раз приказание казалось неоправданным, несправедливым, хотелось возразить командиру, как возражали дома, вступить с ним в спор, как спорили на комсомольских собраниях в школе, в университете».

А Маша Щелканова рассказывает:

«С первых дней организации полка к нам прибыла старший лейтенант Софья Ивановна Озеркова — строгая, по-военному подтянутая, физически закаленная. Прибыла она из Иркутского военного училища, где вела педагогическую работу.

Весь коллектив механиков и техников не взлюбил ее за то, что она начала с муштровки, выправки, строгого соблюдения уставных правил. Она требовала, чтобы мы дословно повторяли ее приказания, докладывали об исполнении, подходили и уходили по форме. А мы, люди, пришедшие с гражданской службы, считали соблюдение внешней дисциплины ненужной формальностью. Мы были убеждены, что и без соблюдения буквы устава честно и самоотверженно выполняем свой долг.

А Озеркова была неумолима и не шла ни на какие уступки. В любое время — и днем и ночью, в мороз и в бурю — она поднимала нас по тревоге и с часами в руках следила за точным выполнением своих приказаний...»

Впоследствии Маша Щелканова и ее подруги поняли свою ошибку и глубоко сожалели о ней. Им стало ясным, что старший лейтенант Озеркова своей требовательностью и строгостью «закаляла нас, готовила к преодолению трудностей, с которыми мы встретились в боевой обстановке», как писала потом Щелканова. Они увидели, уразумели, что «Озеркова — не сухой, бездушный формалист, за которого мы ее принимали, а живой, прямой, отзывчивый человек», и «полюбили, оценили ее как талантливого руководителя, старшего товарища и друга».

Но все это пришло потом, когда молодой коллектив переболел своими

детскими болезнями, окреп и закалился, проникнувшись до конца боевым советским воинским духом.

Огромную роль в его росте сыграла партийно-политическая работа.

8

Как ни загружены были молодые авиаторы боевой учебой, всегда находилось время для политинформаций и коротких бесед на важнейшие политические темы. В приволжском городе девушки жили интересами всей страны и прежде всего — фронта. Они горячо откликались на каждую новость с фронта, черпая и в радости и в горести новые силы для упорной, самоотверженной боевой подготовки.

14 ноября 1941 года Женя Руднева писала родным:

«...У меня все попрежнему хорошо. Но злая я сейчас такая, какой вы меня еще ни разу не видели, — они, проклятые гады, разбомбили университет, мой любимый университет. Мне хочется выучиться, как можно скорее им отомстить за университет, за сожженное Пулково¹, за все, за все, может быть, и за вас, мои родные, потому что я ничего о вас не знаю...»

13 декабря:

«...У нас сегодня чудное настроение — ночью радио принесло весть, что фашистам дали духу под Москвой. Пишите мне. Я ведь все время думаю о вас: волей судеб я пока в тылу, а вы на фронте. Но уж когда я пойду на фронт, то я пойду на Гитлера не с голыми руками...».

17 декабря:

«...Сегодня у нас с утра радостное настроение: радио сообщило, что наши войска взяли город Калинин. Я попрежнему учусь...».

20 декабря:

«...Как мы обрадовались, когда радио ночью сообщило о разгроме нацистских дивизий под Москвой! Это было самое радостное наше утро...».

Разгром гитлеровских войск под Москвой и быстрое восстановление эвакуированных заводов и фабрик в новых районах, массовый героизм на фронте и великий трудовой подъем в тылу, бой у разъезда Дубосеково, непоколебимая стойкость героев-панфиловцев и бессмертный подвиг Зои Космодемьянской — все это оставляло неизгладимый след в сердцах юных патриотов.

Политработники заботились о том, чтобы патриотические чувства девушек, их ненависть к врагу претворялись в конкретные дела, служили повышению организованности и укреплению воинской дисциплины. Об этом шла речь во время групповых бесед и при разговорах один на один. К этому прив-

¹ Пулковская астрономическая обсерватория близ Ленинграда.

лежали общее внимание партийные и комсомольские собрания.

Первые собрания... Все еще мало знали друг друга, во всех еще говорили навыки и представления прежних дней, вынесенные из стен учебных заведений и фабрик, учреждений и школ, но в то же время все были едины в основном, главном — стремлении сражаться за Родину беззаветно, победоносно. И поэтому они тотчас находили общий язык, быстро, на ходу определяли, кто на что способен, и разношерстная масса на глазах становилась коллективом, чем дальше, тем более сплоченным.

Его ядро — партийная организация. Она была сначала совсем немногочисленная, но уже самый факт ее создания благотворно подействовал на всех: в ее решениях, призывах девушки слышали голос родной и любимой Коммунистической партии.

Одновременно вступила в жизнь комсомольская организация. Ее собрания сразу стали горячими, долгими: все привыкли выступать со своей комсомольской трибуны.

Чем дальше, тем многограннее становилась партийно-политическая работа в части.

В группах начали выпускать стенные газеты, «боевые листки». Стенные газеты выходили раз в десять дней. Они тщательно оформлялись, живо и ярко отражали жизнь, особенности каждой группы, их сильные и слабые стороны. Метко и остроумно высмеивались всякие промахи в учебе, досадные мелочи быта, вскрывались недочеты. Среди девушек нашлись способные поэты — Галина Докутович, Наталия Меклин, Ирина Каширина; фельетонисты — Рая Аронова и Полина Гельман; карикатуристы и оформители — Таня Сумарокова, Надя Тропаревская, Маша Щелканова.

С каждым днем все сильнее, благотворнее давало себя знать общественное мнение молодого, только формировавшегося коллектива. По мере того как девушки лучше узнавали подруг и своих руководителей, спланивались в учебе, в партийной и комсомольской работе, в быту, они все больше помогали друг другу и критикой, и советом, и примером, росло их чувство ответственности перед товарищами, перед коллективом.

Комсорг полка
Ольга Фетисова

Комиссар эскадрильи
Ксения Карпунина

Мария Ивановна Рунт и Ксения Павловна Карпунина. В жизненном пути Рунт и Карпуниной было нечто общее. Обе рано стали комсомольскими и партийными работниками, обе уже испытали муки и горе войны.

Карпунина, уроженка Винницкой области, не помнила своего отца. Рабочий сахарного завода, боровшийся за советскую власть в рядах легендарной Цорсовской дивизии, он погиб в 1920 году на поле брани. Окончив десятилетку, Ксения училась в педагогическом институте, а потом стала комсомольским работником.

Война застигла ее в городе Гродно.

На рассвете 22 июня 1941 года Ксения проснулась от сильного взрыва, потрясшего стены дома. Вскочила, подбежала к окну. В разных концах города вспыхивали пожары. «Фашистские бомбы!» — мелькнула мысль, еще не облеченная в страшное слово «война».

Весь день Карпунина работала в горсовете, организуя эвакуацию семей трудящихся из горящего города, а ночью на грузовой машине с военной охраной выехала со срочным заданием в Москву — ей поручалось доставить в ЦК партии партийные документы. В районе Могилева машина попала под бомбежку. Ксения была тяжело контужена, потеряла сознание. Очнувшись,

Во всем этом сказывалась направляющая рука командиров, партийно-политических работников.

Евдокия Яковлевна Рачкевич, которую впоследствии девушки называли между собой «мамочка», говорила с ними не только о войне, об учебе, но и обо всем, что их интересовало, заботило. Стоило ей заметить, что кто-нибудь загрустил, как она старалась узнать, нельзя ли чем помочь, и, если можно было, тотчас принимала меры. Не раз она обращалась с письмами в различные тыловые учреждения и ведомства, напоминая о том, что советская власть требует заботы о семьях воинов. Девушки ценили это сердечное внимание.

Комсорга Ольгу Фетисову девушки знали еще по Москве: работник ЦК комсомола, она была зачислена в полк вместе с ними. Ольга многое сделала, чтобы с первых же дней комсомольская жизнь была ключом.

В городе на Волге в часть прибыли на партийно-политическую работу

ли на партийно-политическую работу

ли на партийно-политическую работу

ли на партийно-политическую работу

ли на партийно-политическую работу

ли на партийно-политическую работу

ли на партийно-политическую работу

ли на партийно-политическую работу

ли на партийно-политическую работу

ли на партийно-политическую работу

ли на партийно-политическую работу

она прежде всего спросила: «Где документы?» Она привезла их в целости, и тут же ее отправили в госпиталь. Спустя два месяца, прямо из госпиталя, Карпунина прибыла в женский авиационный полк.

В это же время Мария Ивановна Рунт, уроженка Куйбышева, ехала из города Лиды на восток.

Дочь слесаря, она окончила Куйбышевский педагогический институт и затем преподавала в средней школе. В 1937 году ее выбрали на руководящую комсомольскую работу. Война настигла Рунт в Западной Белоруссии в городе Лида, куда она приехала на комсомольскую конференцию. Гитлеровцы начали бомбить город с 4 часов утра 22 июня.

...Дороги первых дней войны — дороги отступления... Шли женщины с детьми на руках, шли дети, цепляясь за юбки матерей, шли одинокие старики, потерявшие своих близких. А самолеты с черной свастикой на крыльях — паучьей эмблемой фашизма со свистом и воем носились над дорогами, на бреющем полете стреляли из пулеметов по живым мишеням, сбрасывали свой смертоносный груз. И кругом — пожары, пожары, пожары...

Рунт и Карпунина за одни сутки увидели столько человеческого горя, сколько не видели за всю жизнь. Они вырвались из охваченной пламенем войны Белоруссии, унося в сердцах жгучую ненависть к фашистским захватчикам. И вот они на партийной работе в воинской части, готовящейся к отправке на фронт...

Девушки-авиаторы понимали их сердечную боль, разделяли их волю к мести, к борьбе за разгром подлого врага.

Прошло свыше трех месяцев упорного, напряженного труда днем и ночью, тревог, радостей, успехов. Зачеты показали, что девушки добились цели: пройден курс, на который в мирное время полагалось три года.

И вот появился приказ. Он возвещал, что из небольшого формирования вырос самостоятельный женский ночной легкомомбардировочный авиационный полк. Командиром полка была назначена старший лейтенант Евдокия Бершанская, комиссаром — Евдокия Рачкевич, начальником штаба — Ирина Ракобольская.

Полк был разделен на эскадрильи. Командиром первой эскадрильи назначили Серафиму Амосову, получившую звание лейтенанта. Ее заместителем стала младший лейтенант Дина Никулина, комиссаром — старший политрук Ксения Карпунина. Во второй эскадрилье командиром стала лейтенант Любовь Ольховская, ее заместителем — младший лейтенант Мария Смирнова, комиссаром — старший политрук Ирина Дрягина, молодая коммунистка, студентка из Саратова.

В полку в то время было еще немного коммунистов. На общем собрании было избрано партийное бюро полка в составе Марии Рунт, Евдокии Бершанской, Ольги Фетисовой, летчицы Надежды Тропаревской и инженера по спецоборудованию Клавдия Илюшиной.

Комсомольская организация объединяла весь остальной состав полка.

Командир полка Евдокия Бершанская

В т.е. ее бюро были избраны Ольга Фетисова, штурман Женя Руднева, воору-
ж. м. енец Саша Хорошилова, летчицы Мария Смирнова и Нина Худякова и
ра. лботник штаба Раиса Маздрина.

Каждая девушка получила должность, звание: летчики — младших
лейтенантов, штурманы — сержантов и старшин, вооруженцы — рядовых.
С этого времени девушки при исполнении служебных обязанностей называли
друг друга только по званиям, а не по именам. Это внесло много нового во
внутреннюю жизнь полка. Долго девушки не могли освоиться с тем, чтобы
обращаться к подруге, с которой спали рядом, которую называли Ирина или
Ириночка, официально: «товарищ старший политрук» или «товарищ млад-
ший лейтенант».

В связи с новыми назначениями были и другие недоразумения. Рако-

больская, окончившая теоретический курс в штурманской группе, хотела летать, а начальнику штаба летать на боевые задания не полагается. Когда она сказала об этом Расковой, то услышала решительный ответ:

— Я штатских разговоров не люблю. — Пришлось подчиниться.

Но все эти временные недоразумения были ничем в сравнении с тем фактом, что они служат теперь в боевой части, в полку!

С особой силой девушки почувствовали себя воинами, бойцами. В первый раз они испытали это чувство вскоре после приезда из Москвы, в тот памятный день, когда принимали военную присягу. Огромный спортивный зал был расцвечен красными знаменами, плакатами, гирляндами зелени. Играл духовой оркестр. Их построили. Раздалась команда «Смирно». Зал замер, и в торжественной тишине звонко и чеканно разносились слова присяги, произносимые каждой из девушек отдельно:

— «...не щадя крови и самой жизни для полной победы над врагом...»

Это был один из самых величественных моментов в их жизни. Горячие слова присяги навсегда западали в душу. Сколько тогда было написано взволнованных писем родным и друзьям!

«Какими словами рассказать вам о том чувстве, которое охватило меня, когда я произносила торжественные слова присяги? — писала Рая Аронова в Саратов своим товарищам по институту. — С этого момента я стала бойцом Красной Армии. Пройдет еще немного времени, и я получу звание штурмана. С великим нетерпением жду я дня, когда поведу свою боевую машину на запад. Беспощадно будем мы бомбить проклятых фашистских разбойников, кровавых насильников, зверствующих на нашей родной земле.

Майор Раскова сказала нам: «Учитесь упорно, используйте каждую минуту для учебы — экзамен будете сдавать на поле боя. Товарищи мои, заверяю вас, что экзамен этот я выдержу с честью».

Торжество принятия присяги было ознаменовано вечером художественной самодеятельности. Лились песни, дробью рассыпались мелодии плясок, запомнился всем литературный монтаж «Русские женщины», посвященный величию духа женщины нашей страны, начиная от жен декабристов и кончая героинями Великой Отечественной войны.

С тех пор прошло немало времени. Девушки овладели теорией самолетовождения. Теперь надо теоретические познания применить на практике.

9

И вот начались практические занятия — полеты вместе со штурманами по кругу, на полигон на бомбометание, по маршруту. Сначала днем, потом и ночью.

Первый вылет. Штурманы ждали его с особенным волнением — ведь многие из них впервые садились в самолет.

Начальник штаба полка

Ирина Ракобольская

Ясный морозный январский день. Солнце слепит глаза. Жестокый холод проникает под шинель. От стужи перехватывает дыхание, брови и ресницы покрываются ледяной коркой.

В воздух один за другим взмывают самолеты. Вот уже полетели Катя Рябова с Надей Поповой, Наташа Меклин с Машей Смирновой, Женя Руднева с Женей Крутовой, Руфина Гашева с Ириной Себровой. Очередь доходит до Дуси Пасько. Она летит с Любой Ольховской, голубоглазой девушкой с Украины, которая только на днях узнала из газет, что фашисты сожгли село, где осталась ее мать.

Люба уже в кабине. Опытный летчик, она поддразнивает Дусю, стоящую у самолета в минутной нерешительности:

— Страшновато? А ты не бойся. Смелей, смелей!..

— Ничего не страшно, — рассерженно кидает в ответ Дуся.

Ноги в меховых унтах плохо повинуются, но она вслезает в самолет.

Загудел мотор, качнулись крылья, земля сначала побежала по сторонам, потом начала стремительно катиться вниз. Но Дуся от волнения не почувствовала, не видела этого — все кругом слилось в ее глазах в одно белое полотно.

Полетели в зону пилотажа. У Дуси закружилась голова. Со злобой и отчаянием она почувствовала, как комок подкатывает к горлу, подступает тошнота — та тошнота, которая отвдила ее прежде от поездок на пароходе по морю, даже по реке в непогоду. Она напрягла все силы, до крови прокусив губу.

— Что ты видишь? — спрашивает Люба. — Волгу видишь? Где наш аэродром?

Дуся кивает головой. Она все видит, но не может произнести ни слова. «А вот не поддамся, — твердит она мысленно, — не поддамся, не поддамся!» — и в памяти снова промелькнул прочитанный где-то рассказ о великом флотоводце, подверженном морской болезни.

Самолет развернулся и пошел на посадку. Дуся не смогла сама выйти из кабины. Ее вынесли на руках.

Подошла Раскова, спросила участливо и просто:

— Ну как? Будешь летать?

Дуся кивнула упрямо:

— Буду! — и попыталась улыбнуться.

У некоторых других штурманов тоже в первом полете кружилась голова. И все они упорно преодолевали физическую слабость, стараясь ничем ее не выдавать.

Хуже было со слабостью мастерства, которую не скроешь. Но девушки упрямо возмещали отсутствие опыта многочисленными тренировками, напряженной учебой в воздухе, совершенствуясь неустанно, всемерно. Стремление скорее попасть на фронт, бить фашистов наделяло их, казалось, неистощимыми силами.

Перелистывая страницы дневника Галины Докутович, читаем:

«6.I. 1942 года.

Вчера у нас был хороший день. Началось с того, что утром не пошли на радиозарядку, сидели дома, учили карту. После завтрака пришли сдавать район старшему лейтенанту. Почти половину группы она отправила на аэродром. Первый раз в жизни поднялись в воздух Надя Колмогорцева, Катя Рябова и много других. Катя обморозила щеку, но все вернулись с аэродрома радостные, возбужденные, весь вечер рассказывали друг другу о своих полетах, первое ощущение воздуха».

«8.I. 1942 года.

...Уж сколько мы тут! А в воздух как штурманы поднялись впервые. Теперь я совсем понимаю, как может захватить штурманское дело! Немного полетаешь и ходишь, как зачарованная, скорее хочется опять в воздух. Как влюбленный все равно! И не только «как», а действительно человек, влюбленный в небо. Поскорее бы только, поскорее бы точно знать свое место. Поскорее бы знать, с кем летать будешь, с кем работать, чтобы собрать экипаж в дружную семью.

Группа сейчас на занятиях... В классе сидит девять человек. Остальные на аэродроме летают. А небо такое зовущее — голубое, солнечное, снег блестит. С высоты под самолетом тянутся извилины рек, овраги, дороги...»

«5.II. 1942 г.

...Здесь все попрежнему. Не знаю, стоит ли вести записи. Летаем по-немножку. Теперь летаем на восстановление ориентировки. Очень интересно. Только, кажется, летать придется опять на «У-2».

С удовольствием и тревогой смотрю за Полиной¹. С удовольствием потому, что вижу, как получается что-то похожее на штурмана, а с тревогой слежу, потому что знаю — это не ее стихия и боюсь, боюсь, как бы она в трудную минуту не оказалась беспомощной.

Чудные какие мы вчера в столовую пришли после ночных полетов!

¹ Полина Гельман.

Офицер штаба полка
Раиса Мазурина

Лица красные, волосы лохматые, глаза красные. Пришли в час ночи прямо в комбинезонах, унтах. Сидим, кушаем, а Женя Жигуленко все клонит и клонит голову Вере Белик на плечо, глаза совсем закрываются. Мороз сильный (не особенно) днем было -24° , у нас это считается тепло...»

«7.II. 1942 г.

Полинка прилетела с вынужденной. Отморозила кусочек щеки, замерзла и проголодалась.

У меня теперь неприятность. Назначили адъютантом эскадрильи. Я думаю, что это значит — прощай полеты...»

«13.III. 1942 г.

...Из каждого тяжелого положения должен быть найден правильный выход. Нельзя только опускать руки, а надо делать все, что возможно, для отыскания этого выхода. А я вот не сумела добиться своего.

Моя мечта была летать. Больше всего ненавидела адъютантов! А теперь пришлось самой. Неужели я все-таки так никогда и не буду просто штурманом, не буду делать свое непосредствен-

ное любимое дело? Летать день и ночь в самых трудных условиях погоды, заправлять машину горючим и бомбами и опять летать!

Иные девушки считают, что я очень довольна своей работой. Как бы не так! Разве счастье в должностях и званиях? А работа адъютанта явно не по мне, не по моим желаниям (ладно, пусть! В армии с этим не считаются), не по моим способностям, не по характеру...

...Я вчера писала маме, что наши дни, наша молодежь мне напоминают дни гражданской войны, славные дни комсомола, «Как закалялась сталь». Живешь и видишь, как много кругом тебя простых и хороших людей, как много настоящих, скромных, незаметных героев, имен которых, может быть, никто никогда не узнает.

И когда я думаю о комсомольцах 1918—19 гг., у меня в глазах стоит Зоя Космодемьянская, высокая стройная девушка с русыми волосами и загорелым обветренным лицом...»

«31.III. 1942 г.

...По сигналу тревоги мы оделись и вышли на аэродром.

Погода была ужасная — ураганный ветер поднимал в воздух сугробы снега, лепил в глаза, в нос, в рот, снег таял, лицо становилось мокрым и от пронизывающего ветра сразу же покрывалось коркой льда. Ресницы моментально покрывались ледяными сосульками; в пяти шагах уже ничего не было видно. И мы шли по аэродрому, навстречу ветру, спешили на поле держать самолеты.

Что впереди нас, что сбоку — мы не знали. Шли по компасу через снежные сугробы, ураган буквально валял с ног. Вышли точно на самолеты.

Часов пять стояли мы у машин, оберегая их от урагана. Домой пришли усталые, но бодрые, готовые идти ночью в такие же условия.

Но на наше счастье ураган утих.

Полинке было трудно вчера. Мы шли очень быстро по сугробам, несмотря на ветер. Она очень устала. Мне жаль ее! Не ее это дело! Авиация — это прежде всего быстрота, точность во всем, расторопность, умение сделать все своими руками, несмотря на холод, усталость. Это готовность в любую минуту, даже ночью, из теплой постели встать и бежать в дождь, навстречу ветру. Эта трудная жизнь не для нее. Я так считаю. Она же нет. Это упрямство ребенка, который не хочет видеть правды.

Уважаю Любу¹. Никакой ветер ей нипочем! Смеется себе — и все! Молодчина, настоящий командир.

А сегодня опять ярко светит солнце, ветер утих. Даже не верится, что вчера такой ураган был. В ангаре дверь погнуло и сорвало...».

Офицер штаба полка
Нина Волкова

Шли дни, полные самозабвенного воинского труда, и постепенно молодой полк приобретал драгоценные качества, необходимые для боя.

В этом была немалая заслуга командования полка и прежде всего —

¹ Люба Ольховская.

Летчица Лиля Гормосина

его командира Евдокии Давыдовны Бершанской.

Русская женщина из крестьянской семьи, она к тому времени прошла уже немалый путь в авиации.

В 1932 году Бершанская окончила Батайскую летную школу, работая затем как летчик Гражданского воздушного флота и как педагог школы, где стала пилотом. За безаварийную работу и отличную подготовку курсантов-летчиков она была награждена орденом «Знак почета».

После расформирования Батайской школы Бершанская перешла в Краснодарский отряд авиации специального народнохозяйственного применения, где была командиром звена до начала Отечественной войны. На выборах в местные Советы депутатов трудящихся в 1940 году ее избрали депутатом Краснодарского городского совета. Некоторое время она была членом Пашковского

райисполкома и членом Пашковского райкома партии, всегда уделяя много времени и сил общественной работе.

Приняв полк, Бершанская отдавала все свои знания и энергию подготовке летного состава. Под ее руководством летчики отрабатывали технику пилотирования под колпаком (вслепую), полетов строем, бреющего полета, а также полетов по маршруту и на бомбометание.

Обладая разносторонними навыками самолетовождения в дневное и ночное время, она лично занималась с летчиками. В помощь ей дали двух инструкторов из военной школы пилотов.

Все ночи Евдокия Давыдовна проводила на старте, руководя выпуском экипажей в полет. Требовательная и заботливая, властная и сердечная, всегда спокойная, она быстро снискала доверие и уважение девушек.

Чем дальше шло время, увереннее становился «летный почерк» пилотов и штурманов, тем более не терпелось девушкам, томительнее становился каждый день.

— Когда же на фронт? — снова и снова спрашивали они.

И надо ли говорить, как все обрадовались, когда из Москвы прибыл приказ: женскому ночному легкобомбардировочному полку готовиться к отправке на фронт; срок отправки — 1 апреля 1942 года.

Летчицы были счастливы. Им казалось, что давно пора закончить учеб-

ную подготовку и перейти к боевой фронтовой работе. Глядя нетерпением биться и разить врага, они считали потерянным временем каждый лишний день пребывания в тылу.

Но они ошибались, переоценивали свои знания. Девушки воочию убедились в этом на горьком опыте: в одну из темных мартовских ночей во время тренировочного полета четыре экипажа потеряли ориентировку в воздухе и потерпели аварию. Погибла летчица Лиля Тормосина.

Решением командования отправка на фронт была отсрочена. Всем было ясно, что необходимо доучиваться, совершенствовать летное мастерство. Занятия возобновились с удвоенной, утроенной силой по новой, значительно расширенной программе.

«Ты представь, дорогая, — писала в эти дни Сима Амосова сестре, — сколько за эти месяцы дополнительной учебы в самый разгар войны я могла бы уничтожить фашистских тварей! Но мне говорят, что владеть боевой машиной посложнее, чем водить гражданский самолет. В этом я и сама сейчас убеждаюсь. Успокаивает меня только твердая уверенность, что наверстаю...»

Наверстать на фронте время, упущенное в тылу, — таково было в ту пору общее стремление. Но это время совсем не было упущенным, прожитым зря.

«Семь месяцев учебы не прошли для нас даром, — писала на фронте Женя Руднева спустя год. — Мы стали военными людьми. Новая черточка появилась у каждой — сознание воинского долга, строгой воинской дисциплины!»

А пока что зима на Волге продолжала свирепствовать. Снежные метели и бураны так замели аэродром, что трудно было выводить самолеты на стартовые дорожки.

Особенно тяжелы были ночные полеты. На полигоне зажигали костры — воображаемые вражеские объекты, на них надо было сбрасывать бомбы. Это называлось «гасить фонари». И летчицы были счастливы, когда за ночь удавалось погасить все «фонари».

Самолеты стояли в открытом поле, прикрепленные к стопорам. Иногда поднимались такие бураны, что возникало опасение за целостность и сохранность машин. Объявляли тревогу. Все спешили на аэродром, преодолевая ярость и упорство стихии.

Эти трудные дни еще более сблизили личный состав полка. Летчики и штурманы ближе узнали техников и вооруженцев, научились по достоинству ценить их труд.

За это время и командир полка Евдокия Давыдовна Бершанская хорошо изучила всех своих подчиненных. Она высоко ценила многих летчиц, но лучшими из лучших, кроме Амосовой и Ольховской, уже назначенных командирами эскадрилий, считала Дину Никулину, Надежду Попову, Марию Смирнову, Ольгу Санфирову и Марину Чечневу. Каждая из них имела свои осо-

бенности, свой «летный почерк», но была у них одна общая для всех очень важная черта — они обладали хорошими организаторскими способностями.

Наступила весна. После ряда проверок командование признало, что полк уже достаточно оттренирован и готов к вылету на фронт.

В составе полка были только одни женщины — от командира до обслуживающего персонала.

Марина Раскова и все командование верили в своих питомцев. На их глазах летчицы из аэроклубов и Гражданского воздушного флота превратились в военных летчиков, студентки стали квалифицированными штурманами, а девушки, не имевшие представления о боевой технике, — авиамеханиками, вооруженцами.

Девушки, включенные в состав штаба полка, при назначении не имели представления о своих будущих обязанностях. Ни Ирина Ракобольская, ни Аня Еленина, ни Нина Волкова, ни Рая Маздринна, ни Ася Шарова не знали, как составить боевой приказ, как оформлять полковые документы, как вести учет и отчетность. Эту науку они изучили в течение трех месяцев на специально организованных курсах, а практику прошли в штабе летной школы авиагарнизона. К моменту отправки на фронт штабные работники уже самостоятельно выполняли все, что им было положено.

Вскоре пришел приказ о вылете полка на фронт. Срок вылета — 23 мая.

Все пришло в движение. На аэродроме техники проверяли материальную часть. Штурманы засели за изучение карты маршрута. Штабисты приводили в порядок документы. Для подготовки к приему полка на место базирования были посланы Ракобольская, Карпунина и Фетисова. Они вылетели на транспортном самолете.

Двадцать третьего мая 1942 года в ясный, солнечный день летчики вывели свои самолеты на стартовую дорожку, расставили их по эскадрильям. Все были веселы, возбуждены, и от того особенно бросалась в глаза цветущая молодость патриотов-авиаторов.

Над полем пронеслась команда: «Запускать моторы!».

Моторы загудели. В солнечных лучах засверкали пропеллеры.

Под прощальные приветствия гарнизона первым поднялся в воздух самолет командира полка Бершанской со штурманом Мариной Расковой. Затем по порядку взлетали эскадрильи. Построились девятками. Сделали большой круг над городом и легли на курс.

